

© 2017 г.

Д.Ю. БОВЫКИН

СПАСТИ КОРОЛЯ. ДЕЛО МАРКИЗА ДЕ ФАВРА И ГРАФ ПРОВАНСКИЙ

Дело маркиза де Фавра ныне известно лишь специалистам по истории Французской революции XVIII в. Тем не менее оно весьма любопытно, и не только потому, что в свое время, в декабре 1789 г., о деле де Фавра говорил весь Париж, поскольку в нем оказался замешан брат Людовика XVI Людовик-Станислас-Ксавье, граф Прованский (будущий Людовик XVIII). В этом небольшом эпизоде в полной мере отражается дух той эпохи: страх перед заговорами, хрупкость политических карьер, недолговечность благосклонности народа, тщетность попыток манипулировать революционным движением, невысокая цена человеческой жизни.

Прекрасно образованный, интересовавшийся финансами, историей и политикой, Месье (а именно такой титул носил в то время Людовик-Станислас как следующий по старшинству брат короля Франции) даже не входил в королевский Совет: Людовик XVI предпочитал держать его подальше от текущей политики. В определенной степени это компенсировалось той популярностью, которую граф Прованский приобрел у парижан. Когда в 1787 г. падение авторитета Людовика XVI и Марии-Антуанетты породило лавину оскорбительных памфлетов и сатирических гравюр, на эстампе, изображавшем умирающую Францию, именно Месье перевязывал ее раны. 17 августа того же года граф Прованский прибыл в Счетную палату для регистрации королевского эдикта, и его встретили цветами и шквалом аплодисментов, тогда как младшего брата короля, графа д'Артуа, приехавшего с тем же эдиктом в Налоговую палату, освистали¹.

Когда Людовик XVI собрал Ассамблею нотаблей, она была разделена на несколько комитетов и каждый из них возглавлял принц крови. Комитет под руководством Месье называли «комитет мудрецов»². С этого времени граф Прованский явно стремится к тому, чтобы понравиться сторонникам реформ. Однозначно высказавшись за удвоение числа депутатов Генеральных штатов от третьего сословия, он становится своим для группировки «патриотов», стоявших у истоков Революции. После переезда королевской семьи в Париж в октябре 1789 г. пошли разговоры о том, что его следует назначить главой Совета³ или правительства. Эти симпатии революционеров Людовику XVIII не простят до конца жизни.

Бовыкин Дмитрий Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ, старший научный сотрудник ИВИ РАН. (Москва, Россия).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ *Biographie universelle ancienne et moderne*. Nouvelle édition, v. 25. Paris — Leipzig, [185?], p. 241.

² *Beauchamp A. de*. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. Paris, 1821, p. 21.

³ *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette*, publiés par sa famille, v. 2. Paris, 1837, p. 11.

Осенью 1789 г. стало казаться, что принц, столь долгие годы отодвинутый от власти, наконец находится от нее в одном шаге. Имеются свидетельства, что его благосклонности искали наиболее авторитетные депутаты Национального собрания, в том числе Э.-Ж. Сийес, прославившийся благодаря памфлету «Что такое третье сословие?»⁴, и граф де Мирабо. В те же октябрьские дни Мирабо, узнав, что король собирается бежать, по его словам, заявил: «Династия погибнет, если Месье не останется и не возьмет в свои руки бразды правления»⁵. В бумагах другого влиятельного депутата, героя войны за независимость США маркиза де Лафайета якобы даже сохранился написанный рукой Мирабо проект, датированный 20 октября 1789 г., в котором говорилось, что все принцы крови, кроме одного, состоят в заговоре против революции или подозреваются в этом; соответственно, доверием может пользоваться только Месье. Лишь он в силах спасти всех, добившись единства короны и революции⁶.

Именно на таком фоне и разворачивалось дело маркиза де Фавра, арестованного по обвинению в контрреволюционном заговоре. Хотя оно привлекло внимание и современников, и историков, дело это по сей день остается весьма туманным. «Это самый таинственный эпизод из более чем не простой жизни Людовика»⁷, — замечает один из лучших биографов Людовика XVIII английский историк Ф. Мэнсел.

Маркизу де Фавра самому по себе можно было бы посвятить если не книгу, то весьма обширную статью. Тома де Май, маркиз де Фавра был выходцем из старого провинциального дворянства. В 11 лет он поступил в полк королевских мушкетеров, отличился на полях сражений Семилетней войны, заслужил крест Людовика Святого, женился на немецкой принцессе, союз с которой, как писал сам маркиз, «не обесчестил бы и наших королей»⁸. В 1772 г. де Фавра перешел на службу в швейцарский полк Месье в чине первого лейтенанта, что соответствовало армейскому полковнику. Видимо, это была попытка сделать придворную карьеру и вести образ жизни, подобающий супругу принцессы.

Месье заметил молодого офицера, даровал ему пенсию на обучение сына; маркиз в свою очередь подружился с первым камер-юнкером графа Прованского графом де Ла Шатром⁹, и все-таки бедность вынудила его оставить службу. Маркиз много путешествовал по Европе, пытаясь воплотить в жизнь разнообразные военные и инженерные проекты, а его финансовый проект в 1789 г. даже получил одобрение Мирабо и ряда депутатов Генеральных штатов. Как вспоминал современник, де Фавра — «человек из хорошего рода и образованный, но с горячей головой, заставлявшей его замысливать тысячи проектов, но не дававшей ни на одном сосредоточиться; его непостоянство никак не позволяло ему сколотить состояние, которое его таланты вполне могли бы снискать»¹⁰.

Впрочем, маркиз далеко не всегда думал о выгоде: в ночь с 5 на 6 октября 1789 г. он вместе с другими молодыми дворянами попытался было найти лошадей и вывезти короля из Парижа, но не сумел пройти дальше одного из министров — получил отказ. Видимо, в эти дни он возобновил контакты со своим старым знакомым графом Люксембургским, капитаном королевских гвардейцев, мечтавшим что-то выиграть от

⁴ Ibid., p. 49.

⁵ Archives parlementaires, 1ère série, t. XIX. Paris, 1884, p. 401.

⁶ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette..., v. 2, p. 495, 496.

⁷ Mansel Ph. Louis XVIII. Guilford, 1999, p. 49.

⁸ Цит. по: Valon A. de. Marquis de Favras. — Revue de deux mondes, 1851, v. 10, p. 1094.

⁹ Клод-Луи-Пауль, граф де Ла Шамп — служил Месье начиная с 1771 г., к 1779 г. дослужился до первого камер-юнкера. Бригадный генерал (1788 г.), депутат от дворянства в Генеральных штатах, он последует за Месье в эмиграцию и будет сражаться с Революцией во главе различных подразделений армии эмигрантов. Летом 1796 г. граф Прованский напишет, что тот был его другом на протяжении 20 лет. — Copie de la lettre de S.M. Louis 18 à Mr le duc d'York (à Villingen le 11 juillet 1796). — Archives Nationales, 197 AP 1.

¹⁰ France d'Hézecques F., comte de. Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI. Paris, 1873, p. 54.

начавшихся пертурбаций и заглядывавшимся на место командующего Национальной гвардией¹¹. А. де Валон, автор большой статьи, посвященной де Фавра¹², полагает, что и после этого маркиз не отказался от мысли спасти короля, но ему нужны были люди и деньги. Он решил действовать через тех, кого хорошо знал, — через окружение графа Прованского.

Между тем планы вывезти короля из Парижа носились в воздухе, и к принцу с ними уже обращались. 13 или 15 октября 1789 г. (историки называют разные даты) Мирабо составил специальный мемуар с целью убедить королевскую семью покинуть Париж и поручил доверенному лицу при посредничестве графа де Ла Шатра вступить в контакт с графом Прованским. Тот имел с принцем двухчасовой разговор. Идея Мирабо состояла в том, чтобы ехать не на восток, где Людовик XVI оказался бы в слишком большой зависимости от иностранных держав, а на запад, в верную ему Нормандию. Однако Месье отказался принимать в этом участие, объяснив свой отказ тем, что король постоянно меняет свои решения и на него нельзя положиться, даже если действовать через королеву¹³. Вероятно, с того времени и началось сотрудничество Мирабо с королевской семьей¹⁴; в те октябрьские дни он делал ставку на графа Прованского.

Де Фавра пошел тем же путем. За 200 с лишним лет историки не раз пытались реконструировать весь ход интриги, хотя не исключено, что полностью она существовала лишь в голове маркиза. Между тем за ним уже плотно следили, и его предприятие было обречено. Как только де Фавра достиг договоренности с графом Прованским, и маркиза, и его супругу арестовали. В аресте участвовали и приближенные командующего парижской Национальной гвардией маркиза де Лафайета.

Как и о чем договорились маркиз де Фавра с графом Прованским? Поскольку планы де Фавра были мало кому известны, реальный или предполагаемый заговор быстро оброс фантастическими подробностями. Так, к примеру, в воспоминаниях можно прочесть, что планировалось похитить короля, вывести его в Перонн, а Месье тем временем объявил бы себя регентом¹⁵.

Однозначно можно утверждать лишь то, что де Фавра попытался организовать заем в 2 млн ливров, действуя якобы по поручению Месье. Секретарь Марии-Антуанетты Ожеар в своих мемуарах утверждал, что он находился в одной тюрьме с маркизом и его женой, а в 1798 г. о заговоре ему рассказывал информированный американец Г. Моррис. По словам Ожеара, де Фавра действовал по поручению Месье вместе с графом Люксембургским, графом де Ла Шатром, маркизом де Леви¹⁶ и рядом других дворян. Они собирались нанять 300—400 человек, спасти и вывезти короля, а также разделаться с мэром Парижа Ж.-С. Байи и Лафайетом¹⁷. Судя по всему, задействовав старые связи, маркиз вышел на этих трех придворных, а кто-то из них уже переговорил с принцем.

Относительно того, кто раскрыл заговор властям, существует несколько версий. Лафайет говорил Моррису, что давно следил за де Фавра¹⁸. Сам де Фавра полагал,

¹¹ *Shapiro B. M. Revolutionary Justice in Paris, 1789—1790. Cambridge, 2002, p. 127.*

¹² Подробнее см. *Valon A. de. Op. cit., p. 1091—1135.*

¹³ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck pendant les années 1789, 1790 et 1791, v. I. Bruxelles, 1851, p. 86ss.*

¹⁴ *Mansel Ph. Op. cit., p. 47—48.*

¹⁵ *Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. Par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour), v. I. Paris, 1908, p. 122.*

¹⁶ *Пьер-Марк-Гастон де Леви (1764—1830) — второй герцог де Леви (1787 г.), до Революции служил в военном Доме Месье, депутат Генеральных штатов от дворянства. После 10 августа 1792 г. — в эмиграции, был плохо принят в армии принцев и служил там простым солдатом. За сражения на полуострове Киберон награжден крестом Св. Людовика. Ожеар явно ошибается, все еще называя его маркизом, так как к тому времени он уже стал герцогом.*

¹⁷ *Augeard J.-M. Mémoires secrets de J.-M. Augeard, secrétaire des Commandements de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800). Paris, 1866, p. 215 et suiv.*

¹⁸ *Morris G. The Diary and Letters of Gouverneur Morris, Minister of the United States to France; Member of the Constitutional Convention, v. I. New York, 1888, p. 256.*

что его предал граф Люксембургский, однако Ожеар в своих мемуарах довольно убедительно пишет о том, что слабым звеном оказались банкиры, к которым маркиз обратился с просьбой о займе¹⁹.

На суде де Фавра инкриминировался широчайший заговор, в котором должны были быть задействованы 140 тыс. человек, планы убийства Лафайета, набор войск, чтобы вывезти короля из Парижа. Однако «в столь сложном деле не было ни единого сообщника; не заходила речь ни об оружии, ни о боеприпасах, ни о каком-либо снабжении; отсутствовала переписка с кем бы то ни было»²⁰.

Столь удивительная пристрастность обвинений объяснялась довольно просто. После восстания 5–6 октября 1789 г. и насильственного перемещения короля в Париж политическое равновесие еще не установилось, новые власти чувствовали себя неуверенно и стремились организовать резонансный политический процесс. До ареста де Фавра для этого были намечены два главных кандидата, ждавших в тюрьме решения своей участи. Один — уже неоднократно упоминавшийся Ожеар, фигура удобная, если учесть, что он был не только секретарем королевы, но и генеральным откупщиком. Обвиняли его в том же, что и де Фавра, — в стремлении организовать бегство короля. Другой — барон де Безанваль, пожилой генерал, военный губернатор Иль-де-Франса, выведший войска из Парижа накануне 14 июля; его обвиняли в том, что он хотел осадить Париж и перебить его жителей. Обоих впоследствии оправдали. Один из современников предполагал, что причиной оправдания Безанваля стали его тесные связи с герцогом Орлеанским, а сторонников герцога в городской верхушке было немало²¹. Если это правда, то и Ожеар мог похвастаться связями с Орлеанским домом: его отец служил управляющим у Регента. У де Фавра таких защитников не было.

Когда стало известно об аресте де Фавра, в Париже появилась листовка, подписанная неким Баро, в которой говорилось, что это Месье стоял во главе заговора и именно по его поручению де Фавра должен был собрать 30 тыс. человек, чтобы убить Лафайета и мэра, а также задуть Париж экономически. Стало понятно, что дело вот-вот может уйти с городского уровня и заинтересовать Учредительное собрание. Кроме того, принц получил анонимные письма с угрозами, и его окружение начало опасаться за безопасность Месье²².

Граф Прованский решил, что разумнее будет не дожидаться, пока его вызовут на допрос, а оправдаться самому. Мирабо в одном из писем явно дает понять, что план действий для Месье разрабатывал он сам и некий «человек в сером», которого публикатор идентифицирует как герцога де Леви. По словам Мирабо, это они подтолкнули графа Прованского к тому, чтобы сделать публичное заявление, предупредив об этом заранее и королевский двор, и генерала Лафайета²³. Моррис также вспоминает, что слышал от Лафайета, будто речь для Месье написал Мирабо²⁴.

Днем 26 декабря Месье отправил в Ратушу записку, извещающая, что придет к шести вечера. Когда он появился, члены Коммуны прервали заседание, усадили брата короля рядом с мэром («как это было принято в суверенных судах по отношению к принцам крови») и позволили ему выступить с речью²⁵.

Про де Фавра принц сообщил следующее: «В 1772 г. он поступил в мой полк швейцарских гвардейцев, в 1775 г. его покинул, и с того времени я ни разу с ним не

¹⁹ *Augeard J.-M.* Op. cit., p. 217 et suiv.

²⁰ *Carré H.* La Noblesse de France et l'opinion publique au XVIIIe siècle. Paris, 1920, p. 417.

²¹ *France d'Hézacques F., comte de.* Op. cit., p. 55.

²² *Clermont-Gallerande Ch.-G., marquis de.* Mémoires particuliers pour servir à l'histoire de la Révolution qui s'est opérée en France en 1789, v. 1. Paris, 1826, p. 293.

²³ Paris, le 26 décembre 1789. — Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck..., p. 296.

²⁴ *Morris G.* Op. cit., v. 1, p. 256.

²⁵ Réimpression de l'Ancien Moniteur, v. 2. Paris, 1840, p. 498–499.

беседовал. Лишенный на протяжении нескольких месяцев возможности пользоваться моими доходами, обеспокоенный значительными выплатами, которые мне предстояло совершить в январе, я хотел иметь возможность выполнить свои обязательства, не прибегая к помощи Казначейства. Чтобы добиться этого, я решил было заняться отчуждением имущества на необходимую сумму, но мне объяснили, что заем будет менее обременительным для моих финансов. Около двух недель назад г-н де Ла Шатр посоветовал мне г-на де Фавра как человека, способного осуществить заем у двух банкиров: гг. Шомеля и Сарториуса. Вследствие этого я подписал обязательство на два миллиона — сумму, необходимую, чтобы расплатиться с долгами на начало года и заплатить моему Дому. И поскольку это дело было исключительно финансовым, я поручил этим заняться моему казначею. Я не видел г-на де Фавра, ничего ему не писал, никак не связывался с ним. К тому же все, что он делал, мне совершенно неизвестно»²⁶.

Впрочем, Месье не упустил случая напомнить о своих заслугах и провозгласить свое кредо: «С того самого дня, когда я на второй Ассамблее нотаблей высказался по фундаментальному вопросу, по которому до сих пор нет согласия, я не переставал верить, что вот-вот разразится великая революция, что Король — по намерениям своим, по его добродетелям, в соответствии со своим верховным титулом — должен возглавить ее, поскольку она не может быть благотворной для нации, не будучи благотворной для ее монарха. В конце концов именно королевская власть должна быть защитницей свободы нации, а свобода нации — фундаментом для королевской власти»²⁷.

Закончил же принц свое выступление таким образом: «Пусть сошлются хотя бы на одно мое действие, хотя бы на одну мою речь, которые противоречили бы этим принципам, которые доказали бы, что... благо Короля, благо народа перестали быть в центре моих мыслей и моих взглядов. А до тех пор я имею право ожидать доверия к моему слову. Я никогда не изменял ни моим чувствам, ни моим принципам; не изменю и впредь»²⁸.

Речь была встречена аплодисментами, члены Коммуны заверили принца в своем полном к нему доверии. Мэр объявил награду в 500 луи за сведения об авторах листовки. Впрочем, уже вечером Лафайет заявил, что они арестованы и находятся в тюрьме²⁹. 28 декабря специальное письмо о деле де Фавра с приложением своей речи в Коммуне граф Прованский отправил и в Учредительное собрание, и они там были зачитаны³⁰.

Что в этой речи правда, а что нет, неизвестно до сих пор. Несомненно лишь одно: о займе Месье знал и документы, позволяющие его, подписывал. Возможно, он считал, что речь идет исключительно о решении его финансовых проблем, как о том свидетельствовал он сам и как засвидетельствует несколько позднее в суде де Ла Шатр. И все же было бы довольно странно, если бы принц крови с его возможностями прибегал к посредничеству человека, с которым не встречался больше 10 лет и который уволился со службы именно из-за того, что не смог разобраться с собственными финансами. Ожеар справедливо замечает, что трудно представить себе, чтобы заем на такую сумму был организован без обсуждения в Совете брата короля, да к тому же еще и столь окольными путями³¹.

Де Валон полагает, что заговор существовал в основном в воображении де Фавра³², однако и с этим трудно согласиться. Граф Прованский был, безусловно, богатым

²⁶ Archives parlementaires, 1ère série, v. XI. Paris, 1880, p. 32, col. II — p. 33, col. I.

²⁷ Ibid., p. 33, col. I.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Réimpression de l'Ancien Moniteur, v. 2, p. 490, 499.

³⁰ Archives parlementaires, v. XI, p. 32, col II et suiv.

³¹ Augeard J.-M. Op. cit., p. 221.

³² Valon A. de. Op. cit., p. 1116.

человеком, но подписывать обязательства на 2 млн ливров просто ради того, чтобы поучаствовать в воображаемом заговоре, вряд ли бы согласился.

Ф. Мэнсел высказывает еще одну идею: Месье мечтал занять место в Совете короля, и все его действия были направлены именно на это. В подтверждение своих соображений историк цитирует довольно туманное место из письма Мирабо от 27 января 1790 г.: «А вот кто ниже всех, так это Месье. Представь себе, что он вкладывал такие суммы, что даже если бы их предложил твой лакей, он попал бы в Совет в ту же секунду, как этого захотел, а вот Месье, скорее всего, в него не войдет»³³. Признавая, что министерские посты не продавались, Мэнсел предполагает, что деньги были нужны на подкуп депутатов, которые могли настоять на введении графа Прованского в Совет, а также, возможно, на отмене закона, запрещавшего депутатам быть министрами, чтобы Мирабо тоже мог туда войти³⁴. Впрочем, этот комментарий представляется мне чистой фантазией.

Впоследствии также высказывалось предположение, что дело де Фавра было творением Лафайета. Оно позволяло генералу убить сразу двух зайцев. С одной стороны, Лафайету хотелось показать народу казнь дворянина, но он понимал, что Безанваль будет оправдан. С другой стороны, обвинение именно де Фавра позволяло нанести удар по Месье и поставить его в безвыходную ситуацию: если он оправдывал себя за счет де Фавра, это губило его репутацию, если отказывался защищаться, то становился в глазах народа подозрительным³⁵. Данная версия кажется правдоподобной, поскольку, как известно, маркиз де Лафайет, карьера которого должна была начаться в окружении графа Прованского³⁶, намеренно оскорбил графа на одном из маскарадов и с тех пор они стали врагами на всю жизнь³⁷. Когда в 1792 г. судьба свела их на одну ночь в городке Хамм в Вестфалии, то и граф Прованский, и граф д'Артуа отказались увидеться с Лафайетом³⁸.

Фенимор Купер, общавшийся с генералом несколько десятилетий спустя, писал, что тот характеризовал Людовика XVIII как «самого *фальшивого* человека, с которым когда-либо встречался». Лафайет «отдавал ему должное за его таланты, но добавлял, что его двуличность — врожденная, а вовсе не следствие его положения, она с ранней юности была известна всем, кто был с ним связан»³⁹. Удивительно при этом, что именно дело де Фавра не давало Лафайету покоя на протяжении многих десятилетий: когда 40 лет спустя, в октябре 1831 г., маркиз будет говорить с трибуны Палаты депутатов о Людовике XVIII, находившемся к тому времени уже давно в могиле, то не откажет себе в удовольствии ядовито припомнить тот «порожденный двуличием апломб», с которым Месье оправдывал себя в деле де Фавра⁴⁰.

Этой стройной версии противоречит, по сути, только одно достоверное свидетельство: американец Г. Моррис записал в своем дневнике рассказ Лафайета о том, как он вернул графу Прованскому его письмо, найденное у де Фавра после ареста, и тем самым позволил принцу оправдаться⁴¹. Возможно, Лафайет старался создать у Морриса впечатление, что именно так все и было, но и в этом случае логика действий генерала ускользает от моего понимания. Американский историк Б. Шапиро, защитивший диссертацию о революционном правосудии в 1789–1790 гг., интерпре-

³³ Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck..., p. 309.

³⁴ Mansel Ph. Op. cit., p. 49–50.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Morgan G. The True La Fayette. Philadelphia, 1919, p. 47.

³⁷ Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991, с. 31.

³⁸ Rance K. Contre-révolution, réseaux et «exopolitie». — La Fayette, entre deux mondes. Clermont-Ferrand, 2009, p. 125.

³⁹ Cooper J.F. A residence in France: with an excursion up the Rhine, and a second visit to Switzerland, v. I. London, 1836, p. 9–10.

⁴⁰ Archives parlementaires, 2ème série, v. LXXI. Paris, 1889, p. 132, col. II.

⁴¹ Morris G. Op. cit., v. 1, p. 256.

тирует ее следующим образом: Лафайет понимал, что судебное преследование брата короля на этом этапе революции, как минимум, нежелательно, да и едва ли возможно, и вел двойную игру, стараясь угодить и нашим, и вашим⁴². Такая интерпретация, однако, идет вразрез со всем поведением Лафайета как до, так и после.

Так или иначе, маркиз де Фавра был осужден и приговорен к казни. Прочитав приговор, он, как утверждали современники, сказал лишь: «Вы сделали, месье, три орфографические ошибки!»⁴³. Меж тем считается, что перед казнью маркиз готов был сделать важное признание, однако ему дали понять, что его участь это не изменит⁴⁴. Ходили слухи, что после вынесения смертного приговора один из судей напутствовал де Фавра следующими словами: «Ваша жизнь — жертва, которую вы должны принести ради спокойствия и свободы общества»⁴⁵. Маркиз де Буйе со слов мадам де Бальби⁴⁶, с которой он встречался в 1797 г. в эмиграции, рассказывает в своих мемуарах, что в ночь казни де Фавра окружение принца в Люксембургском дворце не находило себе места и все успокоилось лишь тогда, когда стало известно, что де Фавра погиб, так никого и не выдав⁴⁷. Существует, однако, версия, будто перед смертью де Фавра заявил, что это Месье втянул его в заговор, и заверил, что королева тоже в курсе этих планов и одобряет их⁴⁸.

В итоге дело де Фавра дорого обошлось принцу. Коммуна не имела к нему претензий, но недоброжелатели получили право обвинять его не только в сотрудничестве с революционными властями (что не являлось фатальным на фоне поведения Людовика XVI), но и в трусости. Среди роялистов же поговаривали, будто де Фавра до самой казни надеялся, что его спасут, а Месье делал все, чтобы подогреть в нем эту надежду и тем самым удержать от признания⁴⁹.

Есть ли у нас основания полагать, что граф Прованский переиграл сам себя, увлекшись опасными политическими играми? Действительно ли он возглавлял заговор? Б. Шапиро, например, полагает, что Месье подтолкнули к заговору события 5–6 октября 1789 г., которые показали, сколь мало контролируема парижская толпа, и заставили его расстаться с либеральными иллюзиями⁵⁰. В этом варианте принц однозначно предстает трусом, пошедшим на попятный, как только он столкнулся с сопротивлением. Не очень понятно лишь, отчего он тогда не принял гораздо более реальный план Мирабо.

Порой в историографии высказывается точка зрения, согласно которой конечной целью графа Прованского в этом заговоре было отстранение Людовика XVI и занятие престола. В частности, существует такая версия: поначалу принц надеялся, что наступит подходящий момент для отречения короля, но впоследствии «стал проявлять нетерпение» и сделал ставку на переворот, в результате которого устранялись Лафайет

⁴² *Shapiro B.M.* Op. cit., p. 133.

⁴³ *Lecoq M.* La Conspiration du marquis de Favras: 1789–1790. Paris, 1955, p. 161.

⁴⁴ *Souvenirs et fragments pour servir...*, v. I, p. 124; *Carré H.* Op. cit., p. 418; *Shapiro B.M.* Op. cit., p. 168. Впрочем, все три автора называют разных людей, которым де Фавра якобы сделал это предложение. На мой взгляд, это говорит о том, что легенда была распространенной, но все же не более чем легендой.

⁴⁵ *Beauchamp A. de.* Op. cit., p. 42.

⁴⁶ *Анна Жакоб Номпар де Комон Ля Форс* — дочь Бертрана Номпара де Комон Ля Форса, первого камер-юнкера графа Прованского в 1771–1773 гг., и придворной дамы графини Прованской. В 1780 г. заняла должность своей матери, а вскоре после этого стала официальной любовницей Месье.

⁴⁷ *Souvenirs et fragments pour servir...*, v. I, p. 124.

⁴⁸ *Shapiro B.M.* Op. cit., p. 130.

⁴⁹ В связи с этим маркиз де Лафайет обвинял графа Прованского в предательстве. — *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...*, v. 2, p. 391.

⁵⁰ *Shapiro B.M.* Op. cit., p. 128.

и Ж. Неккер, дети королевской четы признавались незаконными, а сам он становился регентом⁵¹.

Все это мне кажется абсолютными фантазиями, основанными исключительно на слухах. Любопытно, тем не менее, что и Л. Блан считал, будто «истинным заговорщиком» был граф Прованский. В подтверждение его роли за кулисами Революции Блан опубликовал письмо Месье неизвестному адресату, сохранившееся в частном архиве и датированное 1 ноября 1790 г., т.е. годом позже описываемых событий. В письме обсуждался некий заговор, направленный на организацию восстания, которое должно было покончить с Байи и Лафайетом. «Этот план, — говорилось там, — представляет, сверх того, ту выгоду, что он запугает двор и заставит решиться на то, чтобы увезти никуда не годного человека»⁵².

Впоследствии историки неоднократно обсуждали это письмо и высказывали сомнения в его подлинности⁵³. Особенно их смущало то, что в оригинале было сказано не «никуда не годный человек», как это деликатно перевели на русский, а «soliveau» — «бревно», и трудно было себе представить, чтобы принц крови так высказался о своем государе. Тем не менее английский журналист Г. Рив весьма логично увидел в этом слове отсылку к знаменитой басне Ж. Лафонтена «Le Roi-soliveau» (в русском переводе И.А. Крылова «Король-чурбан»⁵⁴). Более того, в годы Революции весьма популярной была карикатура, где Людовик XVI изображался в виде бревна, вокруг которого скачут лягушки, выступающие за короля⁵⁵. Таким образом, употребление этого слова не удивительно. Удивительно то, что Месье столь неосторожно делился своими планами. Да и планы эти выглядят весьма сомнительно: как показывает его ответ Мирабо, граф Прованский достаточно хорошо знал своего брата, чтобы увлечься подобными химерами. И время показало, что он был прав: Людовик XVI отказывался обсуждать планы своего бегства и в куда более опасных для монархии условиях, пока не убедился, что фактически является заложником в руках парижан.

Легко заметить, что и Блан, и Шапиро, и ряд других авторов исходят из того, что граф Прованский только и мечтал, как бы лишиться брата трона и занять его место. Однако ни у них, ни у других историков нет никаких доказательств подобных его устремлений, за исключением ходивших при дворе и в Париже слухов. Нет сомнений, что на протяжении многих лет граф Прованский хотел принимать участие в управлении страной, считал себя готовым для этого и, быть может, более достойным, более умным и образованным, чем старший брат. Но это отнюдь не означало желания отстранить брата от престола; к тому же в соответствии с фундаментальными законами французской монархии это было невозможно.

Все имеющиеся документальные свидетельства наводят на мысль, что Месье хотел править вместе с братом, но не вместо него. Ничто в его поступках начиная с 1788 г. не говорит о конфронтации с Людовиком XVI: как накануне, так и в первые годы Революции Людовик-Станислас постоянно поддерживал брата и во всеуслышание заявлял об этом. Сделал он это и в Ратуше 26 декабря 1789 г.

Однако в этом ракурсе заговор де Фавра и поведение принца выглядят совершенно иначе. Едва ли кто-то из них вынашивал планы устранить Байи и Лафайета — это

⁵¹ *Hanson J.H.* The Lost prince, facts tending to prove the identity of Louis the seventeenth, of France, and the rev. Eleazar Williams, missionary among the Indians of North America. London, 1854, p. 33.

⁵² Блан Л. История Французской революции, т. III. СПб., 1907, с. 137.

⁵³ См., например: Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits. Publ. par F. Feuillet de Conches, v. 3. Paris, 1869, p. 472 et suiv.; *Hérisson, comte de*. Autour d'une Révolution (1788–1799). Paris, 1888, p. 22 et suiv.

⁵⁴ [Reeve H.]. Correspondence of Marie-Antoinette. — The Edinburgh Review, or Critical Journal, April 1866, № 252, p. 439.

⁵⁵ Le Roi Soliveau ou les Grenouilles qui demandent un Roi. — <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6947898m/fl.zoom>

мало что меняло. А вот мысль о том, чтобы вывезти короля из Парижа, могла казаться Месье вполне уместной. Людовик XVI также со временем придет к ней, тем более что, напоминает Мэнсел, за бегство выступала и королева⁵⁶.

В равной мере нет и никаких доказательств того, что перед смертью де Фавра собирался поведать о каких-то кровавых замыслах принца.

Говорит ли о трусости графа Прованского его отказ от де Фавра? Быть может. Впрочем, мне видится вполне обоснованной и такая точка зрения: если бы Месье признался, что де Фавра — его человек, он бы погубил себя, но отнюдь не спас маркиза, лишь подтвердив существование заговора⁵⁷. Вместо этого граф Прованский, даже находясь в изгнании, поддерживал его семью при посредничестве герцога де Ла Фара⁵⁸, а после Реставрации установил пенсию для вдовы казненного⁵⁹.

Хотя Людовик-Станислас, казалось бы, выбрал в деле маркиза де Фавра тот путь, который позволил ему выйти из этой ситуации с минимальными потерями, удар, нанесенный его репутации, был столь силен, что похоронил надежды воспользоваться Революцией, чтобы получить наконец доступ к реальной власти. «Месье принес гражданскую клятву и согласился сесть рядом с Байи и даже *ниже* его и опозорил этой шутовской церемонией, навсегда ославленной роялистами и освищенной демократами, те идеи, которые все народы Европы вкладывали в величие королевской власти в рамках умеренной монархии»⁶⁰, — писал в 1801 г. французский ученый и дипломат Ж.-Л. Сулави.

Мемуары Сулави были не только прочитаны Людовиком XVIII, но и, по всей видимости, задели его до такой степени, что король составил на них развернутый ответ, сохранившийся в его бумагах. В тех строках, где речь шла о деле де Фавра, он заявил, что ему был известен лишь проект бегства короля, ни о каких планируемых убийствах он ничего не знал. Он признавал, что это дело стало «еще большей ошибкой»⁶¹: мне не следовало слушать проекты г-на де Фавра, мне не следовало их дезавуировать впоследствии»⁶². Комментируя свой приход в Ратушу, Людовик XVIII вспоминал, что это он купил Мирабо для короля и действовал согласно его советам, равно как и советам «герцога де Л***». Здесь, очевидно, имеется в виду де Леви. Что же до гражданской клятвы, то Людовик заявил, что принял ее по принуждению, да и кто не принял бы ее в то время, если бы к нему подступились с таким требованием?

Разумеется, этот текст — попытка создать собственный образ, контрастирующий с тем, который создавали слова недоброжелателей принца. И все же, как мне видится, он не кривил душой, когда писал: «Я не сказал ни единого слова, не сделал ни единого шага, который мог бы не понравиться Королю»⁶³. К тому же, рассуждая о стремлении принца угодить толпе, нельзя не учитывать, что царствование Людовика XVI — это время рождения во Франции публичной политики, эффективность которой напрямую зависела от общественного мнения. Принимая решения, высказывая свои взгляды, и королю, и графу Прованскому приходилось ориентироваться не только

⁵⁶ *Mansel Ph. Op. cit.*, p. 50. Мэнсел уверен, что Месье действовал во многом независимо от брата, полагая, что лучше знает, как спасти монархию, но королева была осведомлена о его планах.

⁵⁷ *Biographie universelle ancienne et moderne*, v. 25, p. 242.

⁵⁸ *Bryé B. de. Consciences épiscopales en exil (1789–1814): A travers la correspondance de Mgr de La Fare, évêque de Nancy*. Paris, 2005, p. 304.

⁵⁹ *Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth...*, v. 2, p. 153; *Montgaillard l'abbé de. Histoire de France, depuis la fin du règne de Louis XVI jusqu'à l'année 1825*, v. 2. Paris, 1827, p. 206; *Répertoire général des causes célèbres anciennes et modernes*. Sous dir. de B. de Saint-Edme, 2ème série, v. I. Paris, 1834, p. 68.

⁶⁰ *Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI*, v. II. Paris, an X (1801), p. 80.

⁶¹ В этих записках роковой ошибкой принц называет также поддержку удвоенного представительства третьего сословия в Генеральных штатах.

⁶² [*Louis XVIII*]. Notes de lecture. — *Le Correspondant*, 10.I.1910, № CCXXXVIII, p. 45.

⁶³ *Ibid.*, p. 44.

на то, что один — помазанник божий, а другой — принц крови. Людовик-Станислас, пришедший в Ратушу с оправданиями, выглядел не менее двусмысленно (или символично), нежели Людовик XVI, надевающий трехцветную кокарду или приносящий клятву на верность Конституции 1791 г., уничтожившей Старый порядок. Однако он четко видел, до какого предела может позволить себе пойти. Совершенно не готовый приветствовать республику и голосовать за казнь короля, как это сделал герцог Орлеанский, Месье заигрывал с революционерами лишь до тех пор, пока Революция не начала угрожать самим основам королевской власти.

Преследовал ли он при этом и свои цели? Безусловно. Но нет никаких оснований предполагать, что цели эти расходились с целями королевской семьи. Заговор маркиза де Фавра свидетельствует о том, что граф Прованский не стремился стать хозяином горящего дома — ему всего лишь казалось, что он лучше знает, как потушить пожар. В отличие от графа д'Артуа, покинувшего страну сразу после взятия Бастилии, он отправился в эмиграцию только тогда, когда бежать согласился и король. И не его вина, что в пути ему сопутствовал успех, а королевскую семью задержали и вернули в Париж.